Przegląd Europejski, ISSN: 1641-2478
tom 2020, numer 1
doi: 10.31971/1641-2478pe.1.20.12

Протестные настроения в России на фоне Европейских государств: анализ кейсов 2017-2019 годов[1]

Yaroslav R. Ignatovskiy, *Analytical Center PolitGeneration (Russia)*
E-mail: hindutime@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2006-4621

Dmitriy G. Mikhailichenko, *Institute of Regional Expertise (Russia)*
E-mail: enkrateia81@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6699-8692

Vladimir G. Ivanov, *RUDN University (Russia)*
E-mail: ivanov_vg@pfur.ru
ORCID ID: 0000-0002-3650-5460

Nikolai A. Evdokimov, *Institute of Regional Expertise (Russia)*
E-mail: bagsu_opi@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7887-0810

Maria A. Pushkina, *Saint-Petersburg State University (Russia)*
E-mail: mashap@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3105-9462

Аннотация

Последние годы развития политической системы России характеризовались ростом протестных настроений. Социальное недовольство и различные формы политического протеста становятся заметным элементом общественно-политической жизни. Симптоматично, что протестные настроения развиваются как в ходе электоральных кампаний (что, в том числе, предопределило победу оппозиции на выборах в ряде регионов), так и в результате развития и реализации текущих

[1] При подготовке данной статьи использована аналитическая работа авторов, ранее опубликованная в России в виде доклада Института региональной экспертизы (см. Institut regionalnoy ekspertizy 2018). Доклад вызвал широкий научный и общественный интерес в России и за рубежом, цитировался в СМИ. Данный текст является результатом оригинальных исследований, дополнен новыми данными с 2019 года и адаптирован авторами для европейского издания.

управленческих процессов. Учитывая, что в течение 2017-2019 гг. выборы прошли в большинстве регионов России, внимание к протестному движению со стороны различных политических субъектов возрастает. Авторы исследовали формы, основные субъекты и технологии протестов, осуществили их типологизацию на основе анализа ряда кейсов. Современные протестные настроения в России сравниваются в статье с соответствующими явлениями в ряде стран Европейского Союза (в первую очередь во Франции, а также в Португалии, Польше, Сербии и Греции). В заключении статьи представлены прогнозы развития социально-политической ситуации в Российской Федерации.
Ключевые слова: политический процесс в России, Европа, выборы, протесты, протестные настроения, политическая стабильность, гражданское общество.

Protest mood in Russia in comparison with European countries: case studies 2017-2019

Abstract

The last two years of development of the Russian political system were characterised by the increasing protest mood. Social discontent and various forms of political protest have become a noticeable element of social and political life. It is symptomatic that the protest mood develops during electoral campaigns (that predetermined the victory of the opposition in the elections in a number of regions), and also as a result of development and implementation of the current governmental processes. Considering that elections have been held in the majority of Russian regions during 2017-2019, the attention to the protest movement from various political actors will increase. The authors analyse the forms, main actors and technologies of protests, worked out their typology based on the case studies. The current protest mood in Russia is compared with the situation in several EU countries (primarily in France, as well as in Portugal, Poland, Serbia and Greece). In conclusion of the article the forecasts of the socio-political situation development in the Russian Federation will be presented.
Keywords: political process in Russia, Europe, elections, protests, protest mood, political stability, civil society.

Фиксируемый в последние годы рост протестных настроений в России и государствах Европейского Союза является все более значимым политическим фактором. Современные протесты определяют развитие политического пространства и способны существенно изменить ход выборов. Сегодняшняя Россия, как и страны Европы, сталкивается с новой политической реальностью, которая характеризуется снижением патерналистских настроений и, как следствие, определённым разочарованием в функционирующих государственных институтах. Ситуацию усугубляют отдельные непродуманные заявления чиновников различных уровней, провоцирующие раздражение граждан.

В данной статье исследуются формы, основные субъекты и технологии протестов, сделана их типологизация на основе анализа ряда кейсов. Методология проведенных исследований включает: *case study*, сравнительный анализ, анализ

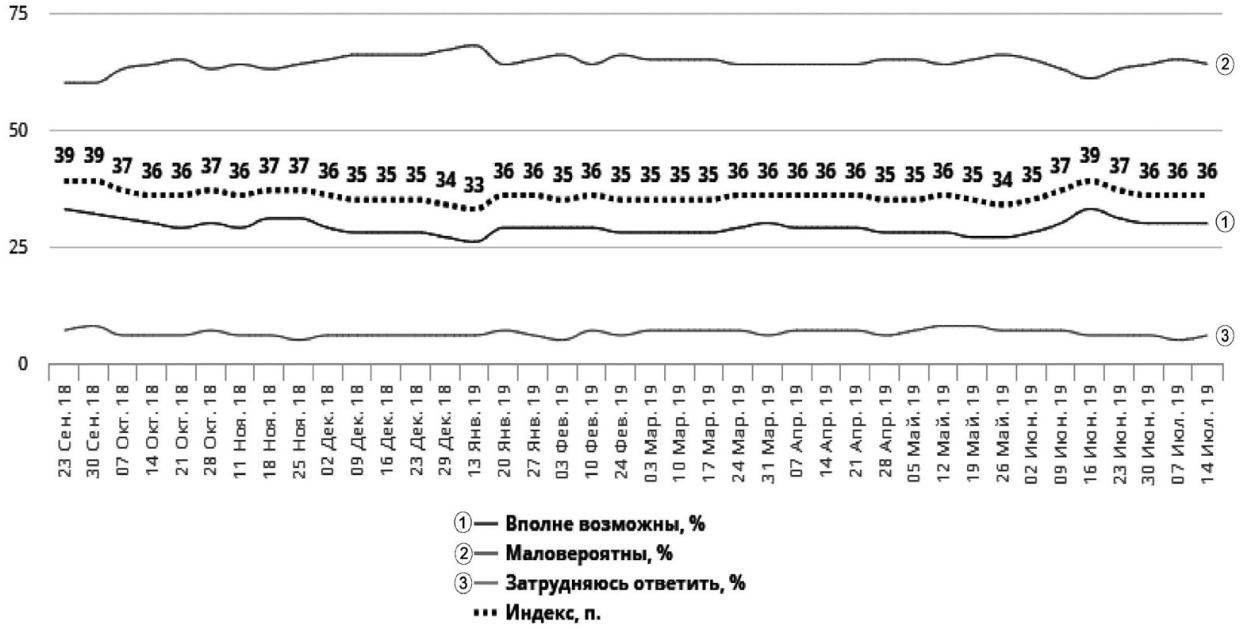
результатов опросов общественного мнения и других количественных исследований, проведенных ведущими исследовательскими центрами в России.

Протестные настроения в современном российском обществе и их причины

В последние годы социологические исследования крупнейших российских агентств изучения общественного мнения фиксируют рост протестных настроений в обществе, а также склонность россиян к росту личного протестного потенциала. В целом экономические требования превалируют над политическими, но любые требования социально-экономического характера имеют потенциал выхода в политическую плоскость (Institut…2018: p. 5).

Согласно данных Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), 29% россиян в конце октября 2018 г. считали, что в их муниципалитете возможны акции протеста (по сравнению с более ранними исследованиями, за два года этот показатель вырос на 9%). Почти треть опрошенных – статистически значимая величина, которая свидетельствует о том, что проблема привлекает внимание значительной части общества. Результаты опроса от 14 июля 2019 г. демонстрируют такое же значение – 30% (WCIOM 2019b).

Рис. 1. Индекс общественного протестного потенциала ВЦИОМ.



Источник: *Индекс общественного протестного потенциала* (WCIOM 2019b).

К похожим выводам приходят и специалисты Фонда «Общественное мнение» – ФОМ (Рис. 2).

Рис. 2. Уровень протестных настроений в России

Источник: Доклад Фонда «Общественное мнение» «*Протестный потенциал*», 10–11 ноября 2018 г. (FOM 2018)

Довольно высок и индекс личного протестного потенциала. Например, опрос ВЦИОМ показал, что лично готовы принять участие в акциях протеста около 27% респондентов (это несколько выше, чем два года назад – тогда этот показатель составлял 23 %) (WCIOM 2019a). Чуть меньший показатель даёт Фонд «Общественное мнение», но и у него процент довольно высок – 24% (FOM 2018).

Рис. 3. Личный протестный потенциал в России

Источник: Доклад Фонда «Общественное мнение» «*Протестный потенциал*», 10–11 ноября 2018 г. (FOM 2018; Institut…2018: p. 6)

В исследовании ФОМ «Протестные настроения. Уровень недовольства властями и готовность протестовать» на вопрос «Действия российских властей за последний месяц у вас лично вызывали недовольство, возмущение или не вызывали?» отвечают утвердительно от 44 до 56% респондентов (Рис. 4). (FOM 2019).

Рис. 4. Динамика ответов респондентов на вопрос «Действия российских властей за последний месяц у вас лично вызывали недовольство, возмущение или не вызывали?»

Источник: *Протестные настроения. Уровень недовольства властями и готовность протестовать* (FOM 2019).

Согласно данных Левада-центра (июль 2018 г. – ноябрь 2019 г.), до 41% респондентов (в зависимости от месяца) считают возможным экономический протест, а 24-34% допускают и политический. Причём, до 30% опрошенных (в зависимости от месяца) готовы принять участие в акциях, связанных с экономическим протестом, а 19-23% – с протестом политическим (Levada-center 2019).

Таким образом, прослеживается очевидная взаимосвязь: среди респондентов, которые допускают возможность протестных акций в своем районе или населенном пункте, большинство готовы принять в них личное участие. Хотя реальное участие в протестах принимает существенно меньшее число граждан, чем отвечают утвердительно в ходе опросов, тем не менее, количество людей, допускающих участие в протесте, достаточно велико и позволяет говорить о том, что протестная повестка *де факто* определяет развитие многих региональных электоральных процессов.

Проведенные в ряде регионов социологические исследования методом фокус-групп также позволяют охарактеризовать отношение населения к основным социально-экономическим и общественно-политическим вопросам. (Institut…2018: p. 6–7).

Анализируя общий настрой населения, следует отметить, что граждане остро и эмоционально воспринимают обсуждение проблемных моментов, которые из года в год не удается решить региональным и местным органам власти. Данный фактор является главной причиной конвертации социального недовольства в протест. Основные претензии населения к местной и региональной власти заключаются в том, что, по их мнению, власть не обращает должного внимания на проблемы жителей сел, деревень и городов, а также приходится долго и упорно требовать от администраций выполнения их прямых обязанностей. Это порождает настроения, связанные с ожиданием полной или частичной замены представителей политической элиты в регионе. Если этой замены не происходит, то реакция населения может быть выражена как в форме участия в протестных акциях (найти повод в этой ситуации не составляет труда), так и в форме протестного голосования. (Institut…2018: p. 7).

Ещё одним важным фактором конвертации социального недовольства в протест может стать неспособность чиновников и депутатов решать вопросы, с которыми к ним обращаются граждане. Иначе говоря, низкая эффективность работы конкретных представителей власти, а кроме этого: проблемы пенсионной реформы, рост цен на топливо, неоднозначные постановления.

На основе анализа полученных в исследованиях данных можно выделить несколько основных причин[2] протестных настроений в России (Institut…2018: p. 7–9)**:**

1) Ухудшение социально-экономического положения – становится главным фактором, определяющим протестные настроения. В России заканчивается эпоха «посткрымского консенсуса», когда значительная часть общества готова была смириться с ухудшением материального положения в обмен на решение ряда внешне- и внутриполитических вопросов. В стране сформировалась культура потребления, основанная на постоянном росте качества и количества предоставляемых услуг. Соответственно, снижение этого качества и количества неизбежно ведёт к раздражению значительной части общества.
2) Пенсионная реформа. В условиях, когда общий уровень жизни снижается, инициирование пенсионной реформы воспринимается населением крайне болезненно. В свою очередь, власть на разных уровнях в целом оказалась неспособна внятно объяснить, почему тяготы пенсионного законодательства вместе с рядовыми гражданами не разделяет политическая элита. В итоге людей возмущает не только сама пенсионная реформа, но и нежелание элиты нести солидарную ответственность вместе с населением.
3) Повышение НДС, рост цен на бензин.
4) Кризис системы жизнеобеспечения граждан. Одной из ключевых причин протестных настроений является недовольство людей качеством жизни,

[2] ФОМнибус – репрезентативный опрос населения старше 18 лет. В опросе участвовали 3000 респондентов – жителей 207 городских и сельских населенных пунктов в 73 субъектах РФ. Интервью в режиме face-to-face проходили по месту жительства респондентов. Статистическая погрешность не превышает 2,5%. (подробнее: FOM 2019).

куда включаются не столько уровень дохода и занятость, сколько предоставляемые государством услуги (напр., образование, здравоохранение), а также кризисное состояние окружающей среды в отдельных регионах.

5) «Усталость» населения от нынешней политической элиты и лидеров, породившая в обществе запрос на обновление. Несмотря на то, что партия «Единая Россия» предпринимает шаги по интеграции молодёжи в партийные ряды, это не выглядит убедительно для широких групп электората. Несколько больше доверия вызывают молодые кандидаты, предложенные президентом на должности губернаторов в ряде регионов. Но и эта модель не может считаться беспроигрышной. В целом у населения складывается стереотип, что обновление может быть связано не столько с приходом новых лиц, сколько с приходом новых политических сил, что и сказалось на результатах выборов в ряде регионов.
6) Общий рост недоверия граждан к политическим институтам. Это касается не только системы выборов, но и, например, института президентства.
7) Наличие заинтересованных субъектов, готовых организовать протест. Совершенно очевидно, что трагедии в регионах используются как повод для провокации масштабного общественного недовольства и протестов. Основной метод провокации – нагнетание истерии и дезинформация.
8) «Вызывающие» заявления отдельных чиновников. Быстро распространяясь в условиях информационного общества, они воспринимаются гражданами, как полный отрыв чиновников от реальности и крайняя степень цинизма, что ведет к социальному недовольству (Ordynskaia 2019).
9) Неумение чиновников общаться с жителями. Федеральные, региональные и муниципальные чиновники, как правило, имеют высокий уровень уверенности в своей правоте, а также коммуникативные компетенции по взаимодействию в ситуации так называемых «жестких переговоров». Однако все эти компетенции во время социального протеста могут раздражать население и служить фактором роста социального недовольства. Ситуации социального протеста требуют совершенно иных коммуникативных компетенций от представителей власти (Institut…2018: p. 9).

Есть примеры, когда протестные настроения приводили к победе на региональных выборах «технических» кандидатов. Это говорит о том, что часто население готово голосовать фактически за любого кандидата, способного агрегировать протестные настроения, а зачастую – просто против власти. Если в период «электоральных пауз» протестные настроения часто носят локальный характер, то в период избирательной кампании они становятся ключевым фактором, влияющим на исход голосования. Ситуация усугубляется тем, что власть не всегда осознаёт степень и глубину протестных настроений, сводя их к субъективным факторам и недооценивая объективные причины. Региональные чиновники в значительной степени показывают неготовность к принятию новой политической ситуации, часто не способны использовать новые возможности и каналы коммуникации с населением. Вместе с тем ряд политических

сил, действительно, заинтересован в эскалации протестных настроений. Оппозиция понимает, что политическая ситуация изменилась, и сейчас наиболее удобное время для того, чтобы попытаться перехватить инициативу и победить на выборах или, по крайней мере, существенно увеличить собственное представительство в региональных законодательных собраниях. При этом протесты в регионах, по какой бы причине они ни возникли, становятся частью системы по дискредитации федеральной власти и персонально президента В.Путина. В конечном счёте, это ведёт к снижению доверия ко всем властным институтам и ключевым субъектам российской политики (Institut…2018: p. 9–10).

Типология современных форм регионального протеста в России

Анализ действий протестного электората позволяет выделить несколько основных типов протеста на сегодняшний день (Institut…2018: p. 11–12):

1) *Социально-экономический протест.* Это наиболее распространённый тип протестной активности, обусловленный недовольством населения уровнем жизни в регионе. Наиболее очевидным образом такие протестные настроения проявились в ходе голосования во Владимирской области и Хакасии – достаточно депрессивных регионах. В несколько ином виде они проявились также в Приморье и Хабаровском крае, где можно говорить о совокупности социально-экономических факторов, в том числе о недовольстве населения недостаточным вниманием, которое федеральная власть уделяет развитию Дальнего Востока.
2) *Контекстный протест.* Этот вид протеста наименее предсказуем, так как инициируется внезапно возникшей кризисной ситуацией. С другой стороны, такие протесты, как правило, не носят долговременного характера. Типичным примером подобного рода протестных настроений является Кемеровская область весной 2018 года, когда возмущение жителей было спровоцировано трагедией в торговом комплексе «Зимняя вишня».
3) *Этнокультурный протест* – характерен для национальных республик, входящих в Российскую Федерацию, и связан с недовольством части общества недостаточным вниманием власти к решению проблем развития определенного этноса. В последние два года этнокультурные протестные настроения ярко проявляются в Татарстане, инициированные неудовлетворённостью татарских национальных организаций федеральной политикой в языковой сфере, в том числе в вопросе о преподавании национальных языков в школах. В некоторой степени эта проблема проявляется и в других республиках.
4) *Этнотерриториальный протест.* Особенностью 2018 года стало возрождение территориальных проблем между субъектами Российской Федерации. Эти проблемы существовали и ранее, но в последние годы находились в латентном состоянии. Однако протест в Ингушетии, связанный с недоволь-

ством общества тем, как был решён территориальный спор между Чечней и Ингушской республикой, свидетельствует о том, что потенциал подобных конфликтов, особенно на Северном Кавказе, сохраняется.

5) *Протест, спровоцированный действиями крупных субъектов бизнеса* – распространённая проблема последних лет. Интересным кейсом в этом контексте является ситуация в Башкортостане, где желание Башкирской содовой кампании (БСК) разрабатывать для получения сырья гору, являющуюся памятником природы и истории, вызвало недовольство и протесты части активной общественности.
6) *Экологический протест.* Проблема качества окружающей среды является одной из ключевых тем протестных настроений в последние 2 года. Практически в каждом регионе имеются примеры активизации местного сообщества, недовольного состоянием экологии.[3]
7) *Кумулятивный протест,* обусловленный совокупностью факторов, среди которых сложно выделить доминирующий (либо он носит непостоянный характер), потенциально является наиболее сложным. Такая ситуация характерна для ряда мегаполисов, в которых сталкиваются интересы многих субъектов. Наиболее типичным можно назвать московский кейс, где протестная активность определяется как социально-экономической повесткой (пенсионная реформа, повышение НДС и цен на бензин), так и ещё рядом факторов, включая экологические и политические.
8) *Конструируемый протест.* Данный тип протестной деятельности связан с конфликтом элит внутри региона (часто конфликт между региональным руководителем и мэром «столичного» города). Раскол элит нередко приводит к тому, что общество встаёт на сторону одного из представителей власти (как правило «потерпевшего»), оказывая ему политическую поддержку.
9) *Политический протест.* Это протест с политическими требованиями, например, допуска к участию в выборах оппозиционных кандидатов, которым по разным причинам отказали в регистрации. В качестве примера можно привести протесты в Москве 27 июля 2019 года (подробнее: Institut… 2019).

Субъекты протеста в Российской Федерации

Анализ наиболее активных участников протестов позволяет выделить три основных типа субъектов (Institut…2018: p.18–20). Главными критериями анализа в данном случае выступают организационные возможности субъектов, используемые ими формы политической организации и технологии. Указанные критерии определяют специфику и направления деятельности данных субъектов.

---

[3] Причины 1-3 носят социально-экономический, 4-6 – социально-политический, а 7-9 – политико-коммуникативный характер.

1. Системная оппозиция

Учитывая, что основными причинами роста протестных настроений становится падение уровня жизни населения, можно говорить о том, что протесты 2017–2018 гг. определяются преимущественно «левой» повесткой (Institut…2018: p. 18)

В этой ситуации ключевым субъектом электоральных процессов становится партия КПРФ как крупнейшая оппозиционная структура, попытавшаяся агрегировать протестные настроения в обществе. В целом можно говорить о том, что коммунистам удалось это сделать. Их кандидат победил на выборах в Хакасии и фактически одержал политическую победу в Приморском крае. Нужно учитывать и то, что партия КПРФ почти везде сумела прибавить на выборах в региональные законодательные собрания, включая электорально управляемые регионы. Тем не менее, КПРФ не удалось добиться полного агрегирования интересов протестующих. Причина в том, что стратегия партии на выборах носила инерционный характер. Коммунисты использовали старые клише, которые давно привычны избирателям. Учитывая сложившиеся обстоятельства, результат КПРФ потенциально мог быть значительно выше.

Однако, в тех регионах, где коммунистам не удалось выставить на выборах сильный список или конкурентоспособного кандидата, роль агрегатора протестных настроений взяла на себя партия ЛДПР. Риторика ЛДПР носила популистский характер, но эта методика позволяет партии уже не первый год добиваться определённых результатов. Кроме того, партия ЛДПР показала себя как более договороспособная, чем комунисты, что обеспечило ей относительно лояльное отношение со стороны власти. Итогом стали победы партийных кандидатов во Владимирской области и Хабаровском крае, а также высокие результаты по итогам выборов в ряде региональных парламентов. (Institut…2018: p. 18)

Остальные системные «игроки» не сумели показать себя в качестве субъектов, способных перехватить протестную повестку у крупнейших оппозиционных партий.

2. Внесистемная оппозиция

Протестные кейсы 2017-2019 гг. показывают, что сторонники А.Навального остались фактически единственным субъектом в данном сегменте, обладающим высоким мобилизационным потенциалом. Начиная с весны 2017 г., в регионах создаются штабы этого оппозиционного политика. Несмотря на то, что Навальный так и не смог принять участие в выборах, он фактически создал сеть региональных отделений, что принципиально важно с точки зрения дальнейших политических перспектив. Более того, сеть сторонников Навального в ряде субъектов обладает более высоким уровнем узнаваемости и информационной активности, опережая партии парламентской оппозиции. Важную роль играет также координация действий региональных штабов с центральным офисом партии. В итоге это позволило выстроить иерархически чёткую и достаточно эффективную систему (Institut…2018: p. 19).

В агитационном плане сторонники Навального продолжили разрабатывать антикоррупционную тематику, но одним из направлений деятельности штаба стала также попытка использовать протест, связанный с пенсионной реформой. Тем не менее

составить конкуренцию КПРФ не удалось. Потенциальный электорат Навального существенно моложе и пока не слишком интересуется данной темой, в то время как электорат КПРФ категорически не приемлет кандидатуру этого оппозиционера. В ряде регионов фиксируются попытки штабов Навального использовать контекстные и экологические протестные настроения.

Остальные представители внесистемной оппозиции фактически выступают сателлитами более крупных политических сил. Пытающееся сохранить собственную политическую субъектность «Яблоко», по сути, трансформировалось в маргинальную политическую структуру (Institut…2018: p. 19).

3. Неинституциональные субъекты

Рост протестных настроений в российском обществе способствовал появлению стихийно организованных, слабоструктурированных и, порой, не включенных в политическую систему групп протеста. Сюда мы относим неформальные общественные группы, создающиеся на время решения того или иного вопроса, активистов-экологов, не входящих в соответствующие политические структуры, активистов национальных движений, отдельных лидеров общественного мнения. Хотя данные субъекты в большинстве случаев не имеют электоральных амбиций, они, тем не менее, являются привлекательной целью для различного рода политических групп, стремящихся капитализировать протестные настроения в ходе электоральных кампаний (Institut…2018: p. 20)

Формы и технологии формирования протестного движения в России

Ключевым фактором развития протестного движения в регионах становится широкое использование социальных сетей и мессенджеров. На современном этапе мобилизующая часть протеста перенесена в социальные сети, что является результатом развития методики, отработанной в других странах мира. Подобные приёмы доказали свою эффективность в ходе целого ряда событий недавней зарубежной политической истории, в первую очередь, так называемой «арабской весны». Любое недовольство и конфликтная ситуация, связанные с тем или иным чрезвычайным происшествием, моментально могут привести к мобилизации посредством интернета 2–3 тысяч протестующих. Например, в России это показала ситуация в Кемерово 25 марта 2018 года или ситуации вокруг мусорных полигонов в Московской области. И таких ситуаций может быть одновременно несколько на территории одного региона (Institut…2018: p. 21).

Практика использования социальных сетей показывает, что в период роста протестных настроений доминирующей общественной установкой становится полное недоверие к местной и региональной власти. Распространяемая в социальных сетях и мессенджерах информация наделяет представителей власти целым набором негативных характеристик. Протестующие – граждане, недовольные сложившейся си-

туацией – автоматически верят информации, которая соответствует их первичным убеждениям. Необходимо иметь в виду, что большинство людей склонны доверять информации, распространяющейся через социальные сети и мессенджеры, что можно объяснить нехваткой официальной информации, её несвоевременностью и излишне официальным характером, что снижет уровень доверия к ней. Властям изначально не доверяют, а информация, поступающая в интернет от «разгневанных жителей», считается истинной, не требующей доказательств. В условиях, когда информации, поступающей по неофициальным каналам, слишком много, она перестаёт перепроверяться, границы между правдой и вымыслом стираются, что порождает множество слухов и предположений.

Одновременно характер работы власти в социальных сетях пока характеризуется формализмом и бюрократизмом. Странички чиновников в социальных сетях, за редким исключением, напоминают скриншоты новостей с сайтов официальных органов власти. Такие формальные аккаунты не привлекают граждан и в должной мере не выполняют коммуникативную функцию (Institut…2018: p. 21).

Механизмы реагирования власти на протестные настроения и факторы амортизации протестной активности

Адекватное и своевременное реагирование на новую политическую реальность – одно из ключевых условий для политической элиты, стремящейся сохранить власть. Анализ реакции представителей власти на рост протестных настроений в России позволяет выделить следующие ключевые аспекты (Institut…2018: p.26–27):

1) *Информационное реагирование сконцентрировано вокруг разработки кризисных медиапакетов,* которые должны быть способны преодолеть негативные последствия политических протестов. Основная проблема таких пакетов – слабая проработанность вопросов мотивации электората.
2) *Политика власти носит реактивный характер, слабо ведётся профилактическая работа***,** а в период, когда протестные настроения нарастают, уже не до стратегии, начинают использоваться методы оперативного управления. Это приводит к тому, что региональная власть почти всегда не готова к кризисной ситуации, и не знает, как реагировать на рост протестной активности электората.
3) *Стандартные методы профилактики протеста больше не работают.* Начиная с 2011 года, самым эффективным методом профилактики протеста считался прием «вскрытие манипуляции», когда с потенциальными протестантами проводилась профилактическая работа на уровне СМИ и бесед. Им объясняли, что они – жертвы социальных манипуляторов, что у протеста есть заказчики (в том числе США), технологии, специалисты, и что организаторы протеста – это лживые, недостойные люди и т.п. Подобные тезисы активно внедрялись в общественное сознание через массовую культуру, в частности путём показа по телевидению документальных фильмов (например, «Ана-

томия протеста», «Эффект толпы: управляй и властвуй» и др.) Но сейчас технологии «вскрытия манипуляций» в профилактике протестов стали менее эффективны. Это связано с тем, что информационное поле переполнено подобного рода технологиями: центральные каналы, радио, эксперты, представители власти, включая президента, говорят о заказном характере протестов. Но этих разговоров слишком много, и их убеждающее влияние нивелируется.

4) *Широко используется технология формирования властью чувства гордости за образ жизни на данной территории.* Внедряется схема: «нам есть чем гордиться, у нас высокий уровень жизни, нам есть что терять». Власть пытается показать, что протесты разрушают жизнь общества. Большинство населения действительно гордится достижениями, подвигами, историей страны, но при этом считает сегодняшний уровень жизни людей низким и непривлекательным, а ответственность за это возлагается на власть. Региональные программы профилактики протеста нацелены на объяснение жителям, что «люди сейчас в России стали жить более чем достойно, уровень жизни в регионе высокий, работают социальные программы, и нельзя всё это разрушать своими руками». Данная технология даёт определённый результат, но её возможности ограничиваются кругом региональных государственных СМИ, уровень доверия к которым у населения не слишком высок (Institut…2018: p. 27)

В этой ситуации важную роль могут сыграть факторы амортизации протестной активности. На наш взгляд, наиболее эффективными могут быть следующие рекомендуемые органам власти механизмы (Institut…2018: p. 27–28):

1) Максимально быстрое реагирование на мелкие раздражающие факторы, такие как проблемы в системе ЖКХ, транспортном обслуживании населения и т.п. С целью такого реагирования органам власти имеет смысл разработать медиапакеты для работы в чрезвычайных ситуациях.
2) В ситуации резкого ухудшения социальных условий жители начинают испытывать тревогу и другие психологические проблемы. Это массовое явление, жителям нужно выговориться и пожаловаться, чтобы их выслушали и частично сняли тревожное состояние. Поэтому целесообразно максимально увеличить возможности колл-центров по обращениям граждан. Сотрудники колл-центров должны обладать хотя бы минимальными психологическими компетенциями, и следует предусмотреть механизм обратной связи по звонкам обратившихся.
3) Ввиду того, что некорректное поведение и высказывания отдельных чиновников провоцируют протестные настроения, имеет смысл подготовить команду спикеров, готовых активно участвовать в потенциальных местных конфликтах. Возможно, следует задействовать депутатов Госдумы, способных к эффективной коммуникации с населением, имеющих достаточный авторитет в своих округах.
4) Занятость населения – лучшая профилактика протестных настроений. Так как социально-экономическая ситуация в стране напряженная, работа с насе-

лением в форме «местных праздников» может вызвать непонимание, куда тратятся деньги, но локальные массовые мероприятия нужны. В частности, эффективны бесплатные мероприятия в концепции здорового образа жизни – совместные занятия спортом, скандинавская ходьба, бесплатные танцевальные школы и т.д. (Institut…2018: p. 28)

Опыт России на фоне Европейских государств

Несомненно, при анализе протестных настроений в России стоит обратить внимание на опыт других стран, также периодически сталкивающихся с волнами социально-политических протестов в периоды экономических затруднений, социальных трансформаций и резонансных реформ. Массовые социально-политические протесты, как и протестное голосование, весьма распространены и периодически наблюдаются в европейских странах, как постсоциалистичеких, так и западных, и только в отдельных случаях они принимают реально деструктивные формы. Наоборот, в России достаточно длительное время[4] не было заметных массовых социальных протестов, что позволяло политологам делать вывод о стабильности политической ситуации в стране, обусловленной широким общественным консенсусом. На фоне ряда других постсоветских стран, и даже многих стран Европейского Союза, Россия выглядела оплотом социально-политической стабильности. В то же время регулярные масштабные забастовки и многотысячные митинги в европейских странах (например, во Франции) нередко ошибочно трактовались отдельными российскими политиками и политологами как опасные для политической стабильности. В действительности же они выполняли также и важные социально-политические функции обратной связи, баланса интересов, гражданского диалога. (Institut…2018: p. 29).

Анализируя протестные настроения в России,[5] представляется оправданным проанализировать общественные протесты, проходившие в 2010-е годы в других странах, прежде всего в Европе (Witkowska 2017; Wojtaszczyk 2015). Не вызывает сомнений, что российская пенсионная реформа разрабатывалась с учетом опыта европейских стран. Как известно, после финансового кризиса 2008 года, в ряде западных стран был повышен возраст выхода на пенсию, причем «пионерами» этого процесса оказались наиболее развитые страны (включая почти все страны Организации экономического сотрудничества и развития, англ.: OECD). В большинстве стран соответствующие решения правительств были одобрены национальными парламентами, на референдум этот вопрос не выносили (за исключением Швейцарии и Словении, где большинство предсказуемо проголосовало против пенсионной реформы). Политики понимали, что попытки всенародного обсуждения пенсионной реформы утонут в популизме. Реализация пенсионных реформ спровоцировала волны массовых протестов в разных европейских странах, по масштабам намного

---

4 от протеста, связанного с «монетизацией льгот» в 2005 г. до протеста на Болотной площади в 2011 г.

5 в значительной степени инициированные противоречивой пенсионной реформой.

превосходящих российские. Важную роль в организации протестных движений сыграли политические партии и профсоюзы. (Institut…2018: p. 30).

Например, во Франции в 2010 г., в Париже и окрестностях на улицы единовременно вышло около 1 млн протестующих. Был блокирован нефтеперерабатывающий завод неподалеку от французской столицы, что привело к дефициту топлива, возникла даже угроза закрытия аэропорта имени Шарля де Голля. Данные события активно освещались мировыми СМИ (например, см.: Cody 2010). Тем не менее, впоследствии пенсионная реформа Н.Саркози была одобрена правительством. Еще более масштабные протесты (с поправкой на размеры и численность страны), сопровождавшиеся забастовками и столкновениями с полицией, происходили в 2014 г. в Бельгии. (Institut…2018: p. 30).

В то же время в таких странах, как Португалия, Польша, Сербия и Греция, протестные настроения были снижены профсоюзными движениями и умеренно левыми партиями. В качестве «алиби» для правительств использовались ссылки на Международный валютный фонд (МВФ) и Европейский союз (ЕС) как внешние силы, вынуждающие проводить политику бюджетной экономии. Соответственно – на них переключалось общественное недовольство. (Institut…2018: p. 30).

Сравнивая российскую ситуацию с аналогичными процессами в Западной Европе, к специфическим особенностям протестных настроений в России можно отнести следующие (Institut…2018: p. 30–31):

1) Конструируемый характер многих межконфессиональных конфликтов, подготовкой которых на протяжении длительного времени занимались заинтересованные силы, в том числе и внешние.
2) Ограниченный, но реальный эффект действия протестов. Несмотря на то, что в целом протестующие редко добиваются полной реализации своих требований, тем не менее, периодически власть показывает, что она слышит протестующих, взаимодействует с ними и принимает определенные меры. Таким образом, протесты имеют перспективы и конкретный экономический и политический смысл.
3) Недоиспользование протестующими правовых механизмов в отстаивании своих интересов. В частности, обращает на себя внимание явно недостаточная загруженность Конституционного суда соответствующими обращениями. Это может быть связано с низкой правовой грамотностью протестующих.
4) Профсоюзы слабо участвуют в общественных протестах.
5) Организованные попытки радикализировать протестные настроения, вовлекать несовершеннолетних или создавать негативный информационный фон.
6) Наличие уникальной региональной специфики Крайнего Севера и Дальнего Востока. В отдельных регионах страны (например, на Камчатке) протесты могут быть обусловлены витальными потребностями людей (при этом они не могут быть многочисленными из-за низкой плотности населения).
7) Ограниченность и сравнительная «мягкость» средств разгона массовых протестов российскими правоохранительными органами по сравнению с евро-

пейскими странами. В России не отмечено случаев применения резиновых и пластиковых пуль, водометов, слезоточивого газа или светошумовых гранат, являющихся распространенными средствами подавления демонстраций в странах ЕС. Так, например, только в Париже в ходе протестов «желтых жилетов» в ноябре-декабре 2018 года из-за действий полиции 20 протестующих лишились глаз, пятеро – кистей рук (подробнее см.: Bock 2019).

8) Партийная система не вполне способна контролировать протестное поведение избирателей. Особая модель российского центризма переносит фокус протестного голосования на уровень отдельных политических субъектов.
9) Все еще сохраняющийся «чиновничий беспредел» на локальном уровне в отдельных регионах.
10) Недоверие к существующим партиям, неправительственным организациям и к тем общественным движениям, которые позиционируют себя как отстаивающие интересы общества.
11) Слабость и безынициативность региональных властей, слабо подотчетных населению и ожидающих от федерального центра принятия всех ключевых решений. Определенная проблема российских властей состоит в том, что первые лица государства нередко фактически вынуждены брать на себя обязанности региональных властей и чиновников среднего ранга в вопросах взаимодействия с обществом.

Часто наблюдаемая боязнь чиновников высказать свое мнение или открыто дискутировать с оппонентами из протестных движений придает силы последним, накачивая их политическим капиталом, так как получается, что руководители этого движения в основном дискутируют с президентом. Неизбежно возникает вопрос: а где же остальные представители власти? Возможно, основная причина пассивности чиновников заключается в карьерном страхе. (Institut…2018: p. 31).

В Европе – например, во Франции – ситуация значительно отличается. В Париже существует неписаное правило: чиновники, начиная с районного и заканчивая федеральным уровнем, присутствуют на митингах, посвященных тем или иным общественно значимым проблемам. Они более открыты для публичных дискуссий на телевидении и в других СМИ, активно участвуют в общественной жизни. При этом многие из активистов общественных организаций перешли в дальнейшем на госслужбу (Kalamanov 2013: p. 240).

Заключение. Общие выводы и прогнозы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы (Institut…2018: p. 33–34):

1) Сегодня государственная власть стоит перед необходимостью кардинального изменения коммуникативной стратегии. Основные усилия должны быть связаны не с реагированием на уже разворачивающийся социальный протест, а с профилактикой социального недовольства.

2) Мир вступает в эпоху, когда политику больше невозможно подменять политическими технологиями. Технологическое и информационное сопровождение может и должно стать частью стратегии власти по снижению протестных настроений, а не заменять собой эту стратегию.
3) «Жёсткий» стиль коммуникации с населением и политическими противниками больше не работает. Концепция «сильной руки» постепенно уступает место концепции «диалога с обществом». В условиях, когда в общественном сознании укрепляется тезис о том, что государство снимает с себя ряд социальных обязательств, использование «административного» стиля коммуникации будет восприниматься как «отсталость» и неадекватность власти.
4) Ключевыми субъектами протеста остаются парламентские партии, старающиеся уловить новые направления и агрегировать требования протестующих. Но весомая роль традиционных партий сохраняется только благодаря их широким электоральным возможностям (Goworko-Składanek 2019). В период между выборами на первый план выходит внесистемная оппозиция и внеинституциональные субъекты протеста, которые более оперативно реагируют на изменение ситуации в регионах.
5) Среди типов протеста начинает преобладать кумулятивный протест, характеризующийся концентрацией различных видов протестной повестки. Наблюдается также тенденция роста числа трудовых, экологических и контекстных протестов.
6) Несмотря на непростую социальную ситуацию, у власти есть возможности для снижения протестных настроений. Для этого необходимо изменение коммуникативной стратегии через внедрение новых механизмов «обратной связи» и повышение профессионализма властных спикеров.
7) В ближайшей перспективе следует ожидать роста протестных настроений в российском обществе. Это определяется ухудшающейся социально-экономической обстановкой и усталостью значительной части россиян от политического доминирования нынешней политической элиты.
8) В организации протестных акций во внеэлекторальный период будет возрастать роль представителей внесистемной оппозиции. Региональные политические партии зачастую слабо реагируют на местную повестку, аморфны и бездеятельны, порой контролируются региональной олигархией. В этих условиях будет возрастать роль «внесистемных игроков», способных позиционировать себя как беспристрастных лидеров общественного мнения.
9) Радикализация протестных настроений во многом будет зависеть от тех мер, которые предпримет федеральная и региональная власть. С высокой степенью достоверности можно говорить о том, что «закручивание гаек» приведёт к росту протестного движения и постепенной трансформации социально-экономических требований в политические.

Таким образом, в России складывается новая политическая реальность, для которой характерно снижение доверия к государственным институтам, рост протестных

настроений, широкое использование в политическом процессе новых коммуникативных технологий. Эта реальность предъявляет к субъектам политического процесса новые требования, предполагающие глубокий анализ общественных настроений и выработку современных методов и технологий противодействия возникающим угрозам.

Ярослав Ринатович Игнатовский – политконсультант, генеральный директор аналитического центра PolitGeneration.

Yaroslav R. Ignatovskiy – Political Consultant, General Director of the Analytical Center PolitGeneration (Russia).

Дмитрий Георгиевич Михайличенко – доктор филос. наук, руководитель АНО «Институт региональной экспертизы».

Dmitriy G. Mikhailichenko – Doctor of Philosophy, a Head of the NGO "Institute of Regional Expertise" (Russia).

Владимир Геннадьевич Иванов – доктор полит. наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Vladimir G. Ivanov – Doctor of Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russia).

Николай Анатольевич Евдокимов – кандидат полит. наук, ведущий аналитик АНО «Институт региональной экспертизы».

Nikolai A. Evdokimov – PhD in Political Science, Lead Analyst at the "Institute of Regional Expertise" (Russia).

Мария Александровна Пушкина – кандидат психол. наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Maria A. Pushkina – PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Russian Politics, Saint-Petersburg State University (Russia).

References:

BOCK Pauline (2019), *The Yellow Jackets blinded by police weapons*, "Politico", 06.02.2019, https://www.politico.eu/article/yellow-jackets-blinded-police-weapons-france-protests/ (29.07.2019).

CODY Edward (2010), *France in turmoil as nationwide strike over pension reform stretches on*, "The Washington Post", 21.10.2010, https://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/10/21/AR2010102103924.html?hpid=moreheadlines (29.07.2019).

FOM (2018), *Doklad „Protestnyj potencial",* 10-11 November 2018.

FOM (2019), *Protestnyye nastroyeniya. Uroven' nedovol'stva vlastyami i gotovnost' protestovat'*, https://fom.ru/posts/11090#tab_03 (08.08.2019).

GOWORKO-SKŁADANEK Beata (2019), *Stosunek Rosjan do Dumy Państwowej na podstawie wszechrosyjskich sondaży Centrum Lewady i WCIOM przeprowadzonych w latach 2001–2017*, „Przegląd Europejski", nr 1/2019.

INSTITUT REGIONALNOY EKSPERTIZY (2018), Doklad Instituta regionalnoy ekspertizy *"Protestnoe pole v Rossii: formaty i praktika (analiz keysov 2017-2018 gg.)"*, http://irex.group/uploads/article/pdf/108/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%81%D1%82__.pdf (31.12.2018)

INSTITUT REGIONALNOY EKSPERTIZY (2019), *Ekho Bolotnoy. Kakimi posledstviyami chrevaty proshedshie v Moskve protesty*, http://irex.group/articles/eho-bolotnoi-kakimi-posledstviyami-chrevaty-proshedshie-v-moskve-protesty (29.07.2019).

KALAMANOV Vladimir (2013), *Vremâ preodoleniâ: prakticheskaâ filosofiâ rossiyskoy idei,* Moskva

LEVADA-CENTER (2019), *Polozhenie del v strane: potencial protesta s politicheskimi trebovaniami,* https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/

ORDYNSKAIA Elena V. (2019), *The priority tasks of the state in ensuring the growth of real incomes of the population*, "RUDN Journal of Public Administration", vol. 6, no 2.

WCIOM (2019a), *Indeks lichnogo protestnogo potentsiala*, https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (29.07.2019)

WCIOM (2019b), *Indeks obshchestvennogo protestnogo potentsiala*, https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (14.07.2019)

WITKOWSKA Marta (2017), *Deliberation as a tool to find solutions to overcome the crisis in the European Union*, "Przegląd Europejski", nr 1(43).

WOJTASZCZYK Konstanty Adam (red.) (2015), *Crises in the Process of European Integration and Approaches to their Management*, Warsaw.